

Алена Манухова

Со словами играть, умываться — красиво, и полно.
Так чего же еще? Прягаться — нужно слово и вот
в сокращенных гортахах, в прыжках, отдашах и волнах
заряжается звук от тепла и от боли и от...
От больших перенос в синеве, безграничности неба;
и дымяной комине юрой и вдвою зумей мати,
высокая слова испросить покровительства себе,
умолять: "Сбереги", повторять: "Сбереги, сбереги!"
Эту тайну щедрот, красоты и ловучести речи,
чтобы снова насти и хранить в ней согласность и искрь
сочетанной строки. И когда занимается вечер
объяснять, неспека, по каким измереньям живеть.
По кругому живеть, не по линии, по часам, по минутам,
но от формул идти, постигая вселенскую суть —
от созвучий живеть и тверить от созвучий, как будто
ты от них никуда — ни зашать, ни погнать, ни вздохнуть...

СТИКИ К ГОРОДУ

Купола заблестят, засияют искльце линии,,
только мертвый гранит напомнишь, лини по линии,
о, парадный проспект, о, наименший, божественный, вид
засвечиваю грусть из глубин потаинных лун!

Постоять, поглядеть, подивиться наркетам окнам,
и безупречным дворцам возвести склонивший взгляд —
мой извиданный град, мой извечный извесливающий скрик,—
рассказы не тал, чем линия два столетья назад?

— Та же сажесть реки облавла горные лица,
тот же киль смыкал и крутил колесо площадей,
как янический храм двадцати прикладчи отомщиу —
именина Петра молодую прекрасную лицерь...

Так куда же теперь и кому поклоняться споняет?
Обходя, не заметив, величия белых ночей, —

светлый северный грах, красоты залетной обитель,
расскажите, безумные русы, зачем?
Никому не откажут этой тонкой земли первородства,
стройных каменных стен без любви не панять колдовства —
еслиных садов золотую осеннюю росину,
только в сердце носить, — навсегда, навсегда, навсегда!

* * *

Нарит дерев бурей, и хлынет к утру, может отаться,
веселый, малькой ни с чем не тоскующий дождь,
вспыхнет слезами в ласкте покидших адаций,
но в этих слезах небацанию радость найдешь...
Игновенная радость, какая веселая нова!
не львят на плечи, коть кивь напрокат пронеси —
и чем исхиханиней, тем непременно дороже, —
бесничная радость, как теплая иглица в горсти...
Откуда мне это? Казалось, явно разуцлась
смехаться и плакать, а так потихоньку брана,
наполнима блажеством она на века сиююна —
мгновенная радость — стропила Божия милости...

* * *

Привет, мой март, привет, прекрасной весны,
удивленный ток тебя, колдун, эдака,
не ускользеть от радости на месте —
давай, начнем солицем купола!
Кини, мой март, бурик по безбородью,
от злой юлоти отражай сердца!
позволь скорей забыть об осторожности,
о гололеде, блекости лица,
забыть о том, что существуют сплетни,
что ходят неостыдно, по пятам —
шевель, сегодня проходя билеты —
на март, царю в четверть пятака!

Пускай бредом в воде харь по колено,
харь по ворот, харь навзнико как —
светлый карт, лавай испеременно
свистеть потрями и пускай сна —
хутся надеждами тряси,
но их подхватят кругло голоса
и изобуки, харь на полчаса,
что навязчиво первое спрятли...

• • •

Как ребенок, впервые львили сады,
менослушной ручонкой дарах карандаш, —
возвращаясь к стихам, от бездумья усталая
за страницей страница, с отска на этик
За последний мазок раскаленного лата
дне отпугивающий ханань, залихань, пердуясь
потинусь, поберусь по цементного света,
что бы там ни было — пусть безумие, пусть.
Посмотреть, и замахнув, напинаясь словами,
наглотаться чудес у небесной черти —
а потом, пусть потен, пусть ложди колышут,
пусть метами метут и не исходят цветы!
Я достегну тебя, Помогиши, сажинь?
Букут гимны слагать о твоей красоте,
на башнейской дамке, руберидной крыше,
в опустевшем пому в Ленинграде, — везде.
Только стань ты моей настой, мавакльем,
но лавай мое прохода, стучи по стеклу;
в эту душную ночь скари вдохновеньем,
я узию тебя по сквозному крику! ..

• • •

Наукали это праща лето?
наукали студе вонроки
будет харь до сильненья светок —
стражаться в зеркале реки?

Все у ног, от радости до писси,
только какомаяя в бори,
може есть от ночи до зари
но сухим перогам куралесить.

Лето, затылица в мон глаза,
отравясь ковиданным узором
д сине, поступлениями, слезами -
дном голубым за кесогором.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Как себя извести, как спрятать набекасавшие слезы,
в нелюбимом сне, в первом уже наизу,
об искусственных "на", с цветах из стекла и вискои,
обо всех безделушках, которыми иначе живу.

Уронить же разменка, разменивась на частицы -
скрипенье любви на крупицы забытых чувств.
Далеки хуравли, мне постукиней и близко смычды,
довко ставить смыки на ховерчиках птиц научусь...

Чем стихи не разменная, на холовая монета?
доверительный лизб, простодушино летящий хорей,
раскрою амфирхий по доблестущим приметам
и проскочими, глядны, поберемся по нужных дверей!
Отчего же тоска не пробигад, как все, на кусочки?
Отчего же так больно заглатывать солнцу в глазах?
Отчего же так страшно поставить запечную точку,
и думавить в стихах, и последнему кругу солгать...

* * *

Последняя пятка - белая ночь,
ору в пустоту по хрена.

Чужой человек, уходящий прочь
уже не услышит крика.

Чужой человек, на лице печать
необъяснимой боли,
- он так и не сможет уже понять,
что был лишь моим, не более.